

Красная
книжка, XII, 1933

„Судьба Шарля Лонсевилья“¹

Н. Прянишников

История и география недаром искони считаются родственными дисциплинами, и недаром в школьной практике преподавание этих предметов в порядке естественного совместительства (личная уния) поручалось обычно одному и тому же педагогу. Автор «Карабугаза», имевший вполне заслуженный успех у молодежной аудитории, как увлекательный «преподаватель» социалистической «географии», в настоящей книжке с не меньшей, как нам кажется, удачей выступает в роли «историка».

«Судьба Шарля Лонсевилья» — это не только история пленного офицера наполеоновской армии, направленного русскими властями в качестве специалиста по дитью пушки на Александровский завод в Петрозаводске, но и история самого этого завода, имевшего к тому времени уже столетнюю давность, и история крупного восстания (1769—70 гг.) приписных к этому заводу крестьян, поданная ретроспективно, как волнующий объект для историко-революционной пытливости пленного якобинца, отрезвившегося в условиях тогдашней российской действительности от временного увлечения бонапартизмом, — и, наконец, это история созревающего декабризма, с провинциальными адептами которого Шарль Лонсевилья сталкивается на этом же заводе.

Обилие и всякого рода привходящий материал, привлекаемый автором попутно: тут и Петр I, основатель завода, и Екатерина II, усмирительница возмущения, и бывший «брат» Наполеона — Александр I, и великолепная портретная галерея колоритных лэди Кингстон, и польский магнат Радзивилл, и знаменитый архитектор из строгановских крепостных — Воронихин, и «его превосходительство господин Державин» (олонецкий губернатор «гимны писал, но человек был тихий», как аттестует его главный информатор Лонсевилья — литейщик Мартынов), и

тяжкий быт заводских крестьян, и оголтелая военщина аракчеевской школы, а там, в западной дали — тень развенчанного Бонапарта, пожарище Великой французской революции, возвращение аристократов...

Нужно воздать должное композиционному искусству автора, сумевшего, во-первых, без заметных «белых ниток» увязать многосюжетность в одно органическое целое, а во-вторых, уместившего всю эту уйму материала на пространстве небольшой книжечки.

Использование фигуры случайно попавшего в Россию иностранца, как наблюдающего субъекта, нельзя не признать весьма целесообразным приемом при подаче исторического материала молодому советскому читателю, чьей остроте исторического зрения как нельзя более отвечает непосредственная свежесть восприятия постороннего для тогдашней России человека, к тому же революционно настроенного. (В повесть очень умело вмонтированы записи из дневника Лонсевилья и его переписка с женой, находящейся в Париже.)

Когда автор, подвизающийся в жанре исторической беллетристики, берет на себя задачу вместить максимум содержания в минимум страниц, то ему обычно угрожает опасность в ущерб живописной яркости впасть в некоторую суховатость изложения. К. Паустовский счастливо избежал этой опасности: ему удалось сочетать свой повествовательный лаконизм с колоритной сочностью фигур, сцен и событий, так что его лаконизм — до конца художественный лаконизм, и если «Судьба Шарля Лонсевилья» прочитывается в один присест, то это не столько потому, что книжка — маленькая, сколько потому, что это — увлекательная книжка.

Она на всем своем протяжении наполняет читателя чувством возмущения, что так было, и чувством радостного облегчения, что этого больше нет и никогда больше не будет. Впрочем, у повести есть и эффектная концовка, прямо проецирующая

¹ Константин Паустовский. «Судьба Шарля Лонсевилья». Рисунки и переплет Т. А. Мавриной. Изд. «Молодая гвардия», 1933, стр. 116, цена 1 р. 25 к., 1 р.

ее грустное содержание на победный экран современности. Когда, в эпилоге повести, вдова Лонсевиля приезжает в Россию, чтобы разыскать и украсить могилу своего мужа, она попадает там в общество декабристски настроенных молодых людей, один из которых, «понизив голос и волнуясь, продекламировал ей известные пушкинские стихи: «Товарищ, верь, взойдет она зря пленительного счастья...» Этим мажорным пророчеством, осуществившимся в наши дни, и заканчивается печальная повесть о «Судьбе Шарля Лонсевиля». С точки зрения чисто внешней занимательности — особый интерес повести заключается в том, что читатель, закрывая книжку, знает о судьбе Шарля Лонсевиля больше, чем он знал сам, когда умирал. Арестованный за пропаганду, он получает от жандармского генерала мнимое разрешение на выезд из России и, в предвкушении близкого возвращения на родину, едет из Петербурга на завод за вещами, но дорогой заболевает горячкой и умирает на почтовой станции. А между тем в действительности ему было уготовано пожизненное заключение в Шлиссельбурге. Трагизм эпилога как раз и заключается в том, что Лонсевиль не хочет умирать на пороге освобождения, между тем как он должен был бы радоваться смерти, если бы знал истинный финал своей оборвавшейся судьбы.

К недостаткам книги нужно отнести крайнюю скудость примечаний, занимающих всего полстранички в конце книги. Плохо, когда исторический и реальный комментарий слишком обильен и пухл. Это всегда свидетельствует о неумелом монтаже исторической хроники, когда автор, идя по линии наименьшего сопротивления, сплавляет в подвал примечаний все, что не умеет выключить в ткань своего повествования. Но плохо и обратная крайность. Надо бы было объяснить юному читателю, что такое шандал, дилижанс, фискал и т. п. Не лишне было бы сообщить ему и кто такой был Орлов, мелькающий в свите Екатерины. Авторы, излишне скупые на примечания, переоценивают историческую осведомленность наших молодых читателей. Они предполагают известным для этой аудитории то, что она как раз от них и должна получить. Французская эпитафия, от-

литая на памятнике Лонсевиля его женой, осталась непереуверенной.

При внимательном чтении обнаруживается недостаточная шепетильность автора по части хронологии. Заинтересовавшее Лонсевиля крестьянское восстание происходило в 1769—70 гг. Лонсевиль занялся разыскиванием об этом восстании «через пятьдесят лет» (52 стр.), а вскоре он умер. Следовательно, он умер не раньше 1819—1820 гг., что как раз и совпадает с назреванием декабризма, в атмосфере которого обрывается его жизнь. А между тем жена его, прибывшая в Россию «в двадцатых годах прошлого столетия, лет через десять после смерти Лонсевиля» (94 стр.), то есть, следовательно, не раньше 1829—1830 гг. («двадцатые годы» выходят таким образом натяжкой), попадает в Петербурге все в ту же атмосферу не разрядившегося еще декабризма, что уж явно несообразно. («Жажда освобождения, — информирует ее о политическом моменте в России некто Ларин, — терзает лучшие умы... Россия охвачена предрассветным холодом и тревогой». — Стр. 110.) Перед отъездом из России мадам Лонсевиль наблюдала «забавное зрелище — богослужение под дождем, панихиду по умершей тридцать лет назад императрице Екатерине» (стр. 113). Екатерина II умерла в 1796 г., следовательно, «забавное зрелище» происходило в 1826 г. Это уже ближе к декабрьскому бунту, но все же не до него, а после.

Есть в книге некоторые несообразности и помимо хронологических. Так, когда на той же панихиде по Екатерине запели «вечную память», то будто бы «генералы, солдаты, рабочие, чиновники и женщины в кринолинах опустились на колени в желтую от навоза грязь» (113 стр.). Хотя и суровые то были времена, но все же вряд ли была возможна в сословной монархии Николая I такая «уравниловка», чтобы и генералы с дамами в кринолинах принуждаемы были становиться на колени в грязь. По свидетельству мемуаристов, такие анекдоты возможны были разве при сумасшедшем Павле.

Но все эти мелкие погрешности хорошей книги легко устранить в повторном ее издании.

Оренбург.